

Визель Т.Г.

**БЕСЕДЫ
СО СПЕЦИАЛИСТАМИ**

Татьяна Визель

Беседы со специалистами

«ЛОГОМАГ»

2016

УДК 373.3.02.015.3
ББК 74.202+88.4

Визель Т. Г.

Беседы со специалистами / Т. Г. Визель — «ЛОГОМАГ», 2016

ISBN 978-5-905525-39-6

В предлагаемой вниманию публикации Татьяна Григорьевна Визель обращается в коллегам-друзьям, ученикам и тем, кто каким-либо образом причастен к дефектологии, психологии, педагогике, медицине. В «Беседах со специалистами» автор вспоминает значительные эпизоды жизни, встречи с известными людьми, размышляет о профессии. В настоящей публикации зафиксировано то, что могло бы пройти незамеченным и неоцененным. В этом запечатлении интересного, добытого благодаря жизненному опыту — смысл записок. Они останавливают мгновенья...

УДК 373.3.02.015.3

ББК 74.202+88.4

ISBN 978-5-905525-39-6

© Визель Т. Г., 2016

© ЛОГОМАГ, 2016

Содержание

От автора	6
Институт	7
Выбор профессии	7
Обучение	9
Преподаватели	11
Сокурсницы	14
Целина	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Татьяна Григорьевна Визель

Беседы со специалистами

© ООО «ЛОГОМАГ»

От автора

Дорогие коллеги, друзья!

В этих записках то, что мои память и душа сочли вашего интереса к профессии. Дело наше, действительно, удивительное, где мысль и чувство сплелись воедино! Чтобы чего-то достичь в нем нужно и понимать существо дела, и быть к нему причастным всем сердцем. Голова моя, как я надеюсь, что-то поняла, а сердце потребовало, чтобы я поделилась этим с вами.

Пройденный мною долгий путь наполнен событиями и незабываемыми встречами с выдающимися людьми, значение которых для науки, практики и жизни в целом переоценить трудно. Кроме того, память побудила меня поделиться с вами тем, что хранится в ее островках, где обитают не столь именитые, но бесконечно дорогие друзья – сокурсники по институту, соратники по работе, пациенты. Обо всем этом – беседы.

Неожиданно моя жизнь сложилась так, что я вдали от тех, кому можно поведать мои думы о профессии, рассказать о замечательных встречах и личностях, с которыми посчастливилось рядом работать или соприкасаться по разным поводам. Среди них и кумиры, и Учителя, и сотрудники-друзья, и пациенты. В этой книге я написала о том, что сохранилось в памяти. Наверное, это и есть самое яркое и что имеет непосредственное отношение к профессии.

Соскучившись по общению с единомышленниками, дорогим моему сердцу людям, я решила говорить с ними на расстоянии. Желание теплоты и доверительности обусловило выбор стиля этой книги – беседы. Беседа допускает свободу изложения, отступления и вставки. Вот я и воспользовалась этим. Понимая, что беседа – это диалог, а в записках он отсутствует, оставляю это название, так как, хорошо зная каждого, о ком пишу, включая и тех, кто, увы, уже на том свете, я буквально слышу их комментарии (ответы). Вот вам и беседа!

Невозможно передать те чувства, которые охватывали меня во время изложения разных историй, составивших содержание этих бесед: и радость, и грусть, и умиления, и сожаления – все краски и оттенки эмоций пережила я за то время, пока писала эти строки.

Некоторые эпизоды моей жизни совпадают с теми, которые я поместила в другую книгу, тоже написанную здесь, в Америке, она называется «Между нами...» и представляет собой семейную хронику. Ведь некоторые страницы жизни одинаково важны и для описаний истории семьи, и для освещения всего, что относится к профессии.

Прошу извинения за то, что не все имена, а особенно отчества, помню. Пришлось в ряде случаев их опустить. К тому же многих из тех, о ком пишу, я привыкла называть уменьшительными именами, и по-другому обозначить их в тексте оказалось трудно.

Выражаю свою благодарность всем, кого заинтересует то, о чем написано в моих «Беседах». Внимание к тому, что рассказано, делает меня счастливой. И, это прошу поверить, не пустые слова. Это правда.

С благодарностью всем вам и судьбе -

Ваша Татьяна Визель

Институт

Выбор профессии

Как выбирается профессия? Вопрос этот, что называется, на засыпку. Некоторым счастливицам везет. У одних из них генетика такова, что они без всяких трепыханий и вариантов чувствуют безоговорочное желание продолжать дело предков. Другие точно знают, что могут заниматься только этим и ничем другим – в основном, это гении, пришедшие в наш мир с «заданием» свыше. В гораздо более сложном положении те, кто должен самостоятельно выбрать свой профессиональный путь, не имея врожденной «заданности» к чему-то, но имея возможность обучиться разному.

Молодой человек часто думает, что способен к тому, что в школе давалось ему лучше всего. А ведь школьные успехи во многом зависят не от врожденных способностей, а от учителя. Направленность интересов определяется именно отношением к учителю как к профессионалу и человеку, а не склонностью к предмету. Дело в том, что каждый обычный человек в рамках школьного курса способен к успешному усвоению любой дисциплины. К тому же, в каждой из них, действительно, есть много интересного. Поэтому и может произойти неправильный выбор профессии. Кто-то способен позже изменить ситуацию, а кто-то, и таких большая часть, продолжает тянуть лямку всю жизнь. Правда и то, что нередко срабатывает привычка, которая в народе называется «стерпится – слюбится». Ведь то, к чему привыкаешь и во что вникаешь, открывает перед тобой свои тайны, а они, как правило, увлекают. Однако, хочется все же, ступить на свой профессиональный путь сразу: как можно более точно и с минимальными потерями. *«Постарайтесь получить то, что любите, иначе придется полюбить то, что получили»*, – сказал Бернард Шоу. Так-то оно так, только вот не всегда понятно, что именно нравится и полюбится потом на долгое время. Как же быть? Наверное, однозначного ответа нет. Очевидно, самое важное здесь – везение или тот самый случай, который следует понимать, как непознанную закономерность. Расскажу, как это было у меня.

Я всегда была любознательной. При полном отсутствии любопытства к бытовым вещам, проявляла неподдельный интерес к вопросам нравственного порядка, а также к вечным загадкам и истинам жизни. Учиться я очень любила, причем, по всем предметам. Была круглой отличницей. Однако более всего меня влекла словесность. Так случилось, что пословицу «на ловца и зверь бежит» прочувствовала самолично. В 9-м классе, не знаю какими, но точно неисповедимыми путями, в мою, ничем не выдающуюся школу, пришел необыкновенный педагог по литературе. Это был Петр Михайлович Третьяков, из тех самых Третьяковых, которые подавали Москве Третьяковскую галерею. Уже очень пожилой, но красивый, высокий, необычайно прямой человек в неизменном сером в клеточку костюме-тройке, он был совершенно из другого мира – мира героев русской литературы, к которому я к тому времени успела основательно прикипеть. Время от времени Петр Михайлович доставал часы-брегет на цепочке и смотрел, когда следует закончить одну часть урока и перейти к другой. Это действие было совершенно удивительным для всех нас – кадр из кино или эпизод из какого-нибудь романа. Сами уроки были настолько нестандартны, настолько непохожи на все другое в школьных программах, что дух захватывало. Петр Михайлович никогда не проводил разбор образов, он очерчивал психологический портрет героев художественными средствами и спрашивал учеников, что они думают по тому или другому поводу. Такие понятия как кульминация, экзальтация, иллюзорность, экзистенциальность, интроверсия и пр. в школе никогда не упоминались, а Петр Михайлович сделал их понятными, привычными, спаянными с характерами персонажей. Излишне говорить, что я, будучи восторженной по природе, была влюблена в преподаваемую им литера-

туру и в него самого, тем более, что пользовалась взаимностью. И это несмотря на мою еврейскую фамилию, а в девичестве я была – Моргулис. Причем, не Маргулис, как большая часть таких фамилий, а через букву О. Мой отец говорил мне, что эта ошибка переписчиков фамилий относится только к нашим родственникам, поэтому, когда я встречу человека с фамилией МОргулис, то должна считать его родственником.

Петр Михайлович выделял меня, хвалил и находил похожей на пушкинскую Татьяну. Это наполняло гордостью. Казалось, литература как профессия была мне уготована на всю жизнь. Я, действительно, решила поступать в МГУ на филологический, но все сложилось иначе. Не буду вдаваться в подробности, почему не попала в МГУ, и не только туда, куда хотела, но даже на историко-филологический факультет педвуза. Тут долгий разговор о разных перипетиях и казусах начала 60-х годов, включая антисемитские мотивы. Остановлюсь вот на чем. Я была зачислена в педвуз (МГПУ им. В.И. Ленина). Однако через некоторое время после того, как были вывешены списки, мне предложили уступить свое место абитуриенту, набравшему гораздо меньше очков, но имеющему то преимущество, что он только что вернулся из армии. Соглашайся я на это предложение или нет, никого не интересовало и мне предложили выбрать любой другой факультет в этом институте. Я совершенно растерялась. Как это другой? Нет уж, буду опять поступать туда, где изучают филологию, решила я. Тут на арену вышел мой отец. Он взял проспект с описанием факультетов педагогического института, изучил его и сказал мне: «Вот то дело, которое тебе подходит. Ты ведь любишь помогать всем, особенно детям, а здесь учат помогать им и даже тяжело больным. Кроме того, преподают большой курс русского языка и литературы. Иди сюда, на дефектологический факультет (*разумеется, он с трудом выговорил название этого, никому тогда неизвестного факультета!*). Не понравится, уйдешь». Вот так и была решена проблема.

Обучение

Учиться на дефектологическом факультете было интересно, но очень легко, слишком легко. Почти все годы я занималась тем, что подтягивала отстающих, да еще много читала. Вот бы мне тогда кто посоветовал: не теряй времени, учи языки! Но в те годы знание иностранных языков было не актуальным. Детей старались учить музыке, отдавали в спорт, но языки... Разве они пригодятся? Обстоятельство это, как я теперь понимаю, оказалось роковым, поскольку в будущем на изучение языков катастрофически не хватало времени, а знание их определяет много, слишком многое в продвижении в профессии.

На факультете, как хорошо знают все дефектологи, было 3 отделения: логопедия, сурдопедагогика, олигофренопедагогика. Логопедия предполагала научение тому, как исправлять дефекты речи у детей (знакомство с патологией речи у взрослых проходило тогда самым поверхностным образом). Сурдопедагогика – приемам работы с глухими или слабослышащими, а олигофренопедагогика – с умственно-отсталыми.

Как я понимаю теперь, все эти разделы дефектологии содержат интереснейшие и сложнейшие теоретические вопросы, спаянные с важными психолого-философскими и медицинскими доктринами (думаю, частично затронуть некоторые из них в ходе дальнейшей беседы). Особенно мало уделялось (или, точнее, совсем не уделялось) внимания мозговым механизмам дефектологических феноменов, т. е. нейропсихологическим и нейролингвистическим вопросам этих дисциплин. Между тем, в рамках каждого из разделов дефектологии они принципиально важны. Без них многое непонятно.

Очень коротко я могу представить содержание этого раздела учебных программ так: логопедия – мозговая организация речи и языка, их взаимоотношений, языкового мышления, памяти и языка, психического здоровья и психопатологии; психического онтогенеза, речевого онтогенеза и т. д. Сурдопедагогика – мозговое обеспечение слуха и речи, особенности психического и речевого онтогенеза глухих, мозговые механизмы глухоты и мышления, глухоты и зрительных представления, компенсаторные мозговые механизмы восполнения потери слуха и пр. Олигофренопедагогика – мозговые механизмы поведения умственно-отсталых, зависимость аффективной и мыслительной сфер, поражения мозга, приводящие к и врожденному слабоумию и душевным заболеваниям и т. д.

Акцент в обучении делался не на них, а на прикладных аспектах. Следует признать, что методикам и приемам работы учили достаточно хорошо, но, опять же, слишком долго. На освоение этих техник хватило бы и 2-х лет. Да, на них хватило бы, а как же «История партии» и «Диалектический материализм»? Их ведь враз не усвоишь! Поскольку материал по этим предметам исключительно зазубривался и ничего не давал «для мозгов», время, затраченное на него было потерянным.

В целом, программа обучения на факультете не была слишком гармонична. Она отличалась существенным несоответствием ее разных частей. Так, программы по русскому языку и литературе, в противовес предметам по специальности, преподавались на хорошем теоретическом уровне, но, по-настоящему, были доступны немногим студентам. Кто хотел, а я была в числе таких охочих, мог основательно познакомиться с теоретическими аспектами русского языка и литературы, и не только русской, но и зарубежной. В моей памяти остались благодатные часы, проведенные в «ленинке» (библиотеке им. В.И. Ленина) в обществе Эсхила, Еврипида, Данте и других колоссов литературы, к сожалению, в переводах и в статьях об их творчестве.

Экзамены я сдавала на все пятерки. Мне кажется, даже если бы захотела получить другую отметку, у меня бы ничего не вышло. То ли я, действительно, все знала, то ли преподавателей завораживала моя гладкая речь, видно было, что экзамен для меня – праздник.

За гладкую речь, кстати, я должна благодарить свою малограмотную няню Матрену Филипповну. Она регулярно проверяла как я выучила уроки, даже в старших классах, будь то химия, физика, литература. Она садилась рядом и говорила: «Давай, рассказывай!». Иногда поддакивала, иногда дремала. Если я чуть сбивалась где-то, она тут же оживлялась и вскрикивала: «Ага, ага, ошиблась, давай снова!». Чтобы побыстрее освободиться, я старалась как можно быстрее «оттарабанить» все без запинки.

Экзаменационные оценки в институте – отлично, отлично, опять отлично, но ... стипендии нет. Почему? Дело было так. Меня вызывают в деканат и говорят: «Таня, ты хочешь, чтобы кое-кто из твоих подруг голодал?». «Конечно, нет», – отвечаю я, раскрыв от удивления глаза. «Тогда, может быть, откажешься от стипендии в их пользу?». «Ну, конечно» – говорю я, подписывая бумагу. Как потом выяснилось, таких дураков, как я, оказались единицы. Даже очень обеспеченные студентки, одевшись поскромнее, принесли справки, что крайне нуждаются. Стипендию я так и не получала до конца обучения, хотя так никаких других отметок, кроме пятерок, у меня не было.

В молодости всегда находится место радостям. Даже в тех трудно поддающихся определению условиях, которые выпали на долю нашего поколения. Я имею в виду невероятные преступления сталинского режима, сотворившего то, чего не было ни в одной стране ни в какие времена, а именно уничтожение лучшей части своего же народа. Уважаемые соседи, лучшие друзья, любимые близкие люди ждали, что вот-вот у подъезда появится черный воронок, сушили сухари и собирали вещи. Поверить в то, что они были врагами народа было невозможно. И все же они гнили по тюрьмам или безжалостно расстреливались. Все это было непонятно. Однако молодость брала свое. Мы веселились, влюблялись, танцевали, пели песни, самозабвенно читали стихи и бегали в политехнический на Ахмадулину, Евтушенко, Вознесенского.

В то время, когда я училась на первом курсе, институт кончали Юрий Визбор и его жена в то время Ада Якушева. Это были признанные барды не только в педвузе, но и далеко за его пределами. Их песни пели повсюду, особенно две: «Солнышко мое...» Юры Визбора и «По такому случаю стану я самую лучшую» Ады. Прежде, чем эти песни выпорхнули в мир, они апробировались на 7-м этаже нашего вуза, конечно же, названного «седьмое небо». Надо сказать, что пединститут располагается в здании бывших высших женских курсов. Архитектура здания великолепна. При входе круглый зал для балов, обрамленный балконами в несколько ярусов, где и располагались аудитории семи этажей. На «седьмом небе» были часто пустующие помещения, где собирались любители поэзии, авторской песни. Робея, я все же проникала туда и сидела с замиранием сердца. Очень уж мне все было по душе. Однажды не выдержала и рискнула спеть свою песенку. Подыграл мне на гитаре тоже бард, Боря Вахнюк, не такой известный, как Визбор, но очень хороший. Его песни «Ах, гостиница моя, ты гостиница» и «Проводница» также были популярными. Я дрожащим голосом спела свою немудреную песенку «Ничего нельзя без любви». Никогда не забуду, как Визбор по окончании моего дебютного рывка похлопал в ладоши и сказал, возможно, из галантности: «Ну, не знаю, как я теперь буду петь». До сих пор считаю эти посиделки бесценными.

Так что человек находит способ жить соответственно возрасту в любых ситуациях, исключая, конечно, совсем насильственно-экстремальные.

Преподаватели

Из преподавателей по специальности особенно запомнилась Ольга Владимировна Правдина. Она была уже в преклонном возрасте, но сохранила абсолютную ясность ума. Преподавала она логопедию, и ее курс навсегда остался в памяти. Уже тогда она была «старушкой». Но это только по внешнему облику. Внутренне она на старушку не походила. Живая, требовательная, с абсолютно светлой головой и с чувством юмора, она умела преподавать нескучно и, главное, стимулировать творческие жилки студентов. Ольга Владимировна – мама хорошо всем известной Елены Николаевны Винарской. Елена Николаевна стала врачом-неврологом и выдающимся ученым. Мамина профессия оказала на нее серьезное влияние, т. к. она всю жизнь посвятила проблемам патологии речи, речевого онтогенеза. Они составляют красную линию ее научного наследия.

Нравилось преподавание Лидии Ивановны Мелеховой, читающей психоневрологию, наряду с именитым профессором Сергеем Семеновичем Ляпидевским. Его лекции были интересными, но специфическими. Профессор был тогда уже в возрасте и явно буксовал на отдельных местах. Особенно он смаковал все, что связано с сексуальным поведением у аномальных детей. Очевидно, сам был озабочен на эту тему, потому что во время экзаменов подходил вплотную к какой-нибудь из готовящихся к ответу студенток и старался прижаться ненароком локтем к ее бюсту. Помню, как однажды Сергей Семенович читал лекцию, где обозначал соответствующими терминами сексуальные извращения. Я, абсолютно несведущая в ту пору, не расслышала слово скотоложество, потому что никак не могла себе представить, что такое бывает, и написала в конспекте – каталажничество, домысливая, что сексуальные фантазии ведут этих детей к преступлениям, и они попадают в каталажку. Дома долго над этим смеялись.

Русский язык и литературу преподавали приглашенные профессора из разных престижных вузов и с историко-филологического факультета этого же вуза. Хорошо помню профессора Петрова (имя и отчество вот забыла), читавшего лекции по русскому языку и сравнительному языкознанию. В каждой лекции для меня было какое-нибудь открытие, например, то, что путем ряда чередований звуков слова могут видоизменяться до неузнаваемости, например, цезарь – царь – кинг – король. Позже я услышала анекдот о том, как из вилки сделать Филарета («Вилка – это вилька, а вилька – это Филька, а Филька – Филарет»), и радовалась, что хорошо понимаю эту шутку, благодаря прослушанным в юности лекциям.

Помню также совершенно очаровательного, рафинированно-интеллигентного Пуришева (опять же провал с именем-отчеством), который, видимо, не на шутку стеснялся студенток. На всем нашем потоке учился лишь один мальчик, остальные были девицами, и, по большей части, весьма привлекательными. Со мной он общался более свободно, т. к. я тогда была более похожа на подростка, чем на девушку, тем более на такую красавицу, как, например, Ларочка Борисова. Высокая, стройная, с голубыми глазами-озерами, чувственным ртом, она была чудо как хороша. Так вот, бедный Пуришев не на шутку смущался, излагая свой материал, а на экзаменах прикрывался газеткой, чтобы дать возможность безбожно списывать. Когда же, несмотря на такой либерализм, студентка, отвечая, начинала нести полную чепуху, он заливался краской до корней волос и всячески старался помочь бедной девочке выйти из трудного положения, щедро подсказывая ей ответы.

Другой крайне колоритной фигурой был доцент Леонард Юрьевич Максимов. Как сыну врага народа, ему были заказаны пути в более престижные вузы, и он не только читал нам лекции, но вел и практические занятия по русскому языку, хотя по всему тянул на маститого профессора. Для меня внешне он был чистый Блок. Образы того и другого прочно слились в моем сознании и продолжают пребывать в такой идентичности до сих пор. Та же красота, тонкость и одухотворенность, изысканность в речи, включая ее вокально-фонетическое оформление.

Теперь я понимаю, что ему было скучно учить простеньких девчонок, и он придумывал себе разные развлечения. Например, вступал в диалог с одной из студенток – Ирочкой Кондраниной. Эта девочка отличалась тем, что можно назвать нечаянным остроумием. Так, он спрашивал с затаенной улыбкой: «Кондранина, а какого рода существительное штаны?». «Это смотря чьи», – не моргнув глазом отвечала студентка. «Так-с, так-с, прекрасно, – продолжал он, – а почему Вы написали в диктанте по Ивану Тургеневу «летит утиться, она что, летит, эта утица, и одновременно утиться?». Курс хихикал, но Кондранина не обижалась и тоже смеялась. Она была хорошенькая, кудрявая, пухленькая и смешливая, настоящая тамбовская казначейша. Однажды она заявила Максиму, что у французов нет рода, имея в виду отсутствие маркирующих эту грамматическую категорию окончаний существительных. «Ну, что Вы, Кондранина, – обрадованно возразил Максим, – смею Вас уверить, что кто-кто, а французы умеют отличать женщину от мужчины».

Практика

Значимыми моментами учебы были практики, проходившие в разных специальных учреждениях. Наиболее запомнилась практика по олигофренопедагогике в школе для умственно отсталых детей.

Нас распределили по классам, где сначала мы должны были присутствовать на уроках, а затем самостоятельно вести их, подготовив конспекты и пр. Я попала в класс к имбецильным детям, который вела учительница Софья Абрамовна. Это была пожилая, но необычайно красивая женщина, всегда стильно одетая, причесанная, подтянутая. Зачем это? Дети, с которыми она работала, этого, как казалось, не могли понимать. Но Софья Абрамовна была другого мнения. Она считала, что они все чувствуют. Уроки вела по всей форме, классически, удерживая детей за партами каким-то невероятным образом. Пример этой учительницы вдохновлял. Когда дошло дело до того, что уроки стали проводить мы, хотелось придумать что-нибудь свое, яркое, проявить творческий подход. Предстоял открытый урок, на котором обычно присутствуют некоторые педагоги школы и представители из РОНО (районного отдела народного образования). Я решила на манер кукольного театра познакомить детей со сказкой «Курочка Ряба». Раздобыла ширму, кукол и стала показывать. Когда дошла до того места, где яичко упало и разбилось, я тихонько столкнула хвостом куклы-мышки настоящее сырое яйцо. Ширма была довольно высокая, и яйцо потекло по ней на стол. В этот момент мальчик, который отличался особенной отстраненностью и практически не говорил, приподнялся с парты и закричал: «Текет, текет!». Это было настолько неожиданно и эффектно, что мой урок долго ставили в пример другим практикантам. Более всего я была горда тем, что удостоилась похвалы Софьи Абрамовны.

Вообще, не знаю откуда у меня такая особенность, но я никогда не испытывала безразличного чувства даже к уродствам, которые нередко есть у детей с дефектами, в том числе и олигофренов. Они ко мне липли, обнимали меня, и я их тоже. Многие удивлялись: «*Как ты можешь? Они же такие неприятные!*». Думаю, они выбрали не ту профессию.

Отсутствие не только безразличности, но и страха я чувствовала всегда даже перед тяжелыми психически больными. Однажды, гораздо позже, уже работая в институте психиатрии, я, заимев психиатрический ключ и намереваясь попасть в отделение невротиков, по ошибке попала в буйное отделение. Меня окружили больные, стояли очень смирно и смотрели выжидательно. Я сказала им: «Меня зовут Татьяна, я учу разговаривать тех, кто не умеет». Они заулыбались, и я стала рассказывать им о том, что сегодня один мой пациент сказал первые слова, и что я очень этому рада, и что теперь должна идти работать. Один из них, пожилой, наверное, вдвое старше меня, человек, самого низкого роста, взял меня за руку и спросил: «Теть, а еще при-

дешь?». В этот момент я увидела, как ко мне бегут испуганные санитары, чтобы помочь выйти из отделения. «Все в порядке», – сказала я им, – нет проблем».

Сокурсницы

В качестве примеров, позволяющих судить о контингенте студентов деффака того времени, расскажу о некоторых моих сокурсницах.

Жанна Дозорец. Эта студентка была одной из лучших, если не сказать больше. Она была вдумчива и малоразговорчива. Относилась к числу примерных, скромных девиц, к коим принадлежала и я. Однако она отличалась от меня тем, что когда говорила, то только по существу, не проявляя щенячьей восторженности, которой я, увы, грешила. В обучении Жанна выходила далеко за рамки институтской программы, но в основном по курсу русского языка, а не литературы, как это делала я. Ее грамотность была безупречной. Жанна никогда, буквально никогда не допускала при письме ошибок. Грамматическое чутье ее было на высшем уровне. Удивительно, что чисто еврейская девочка владела русским языком и чувствовала его лучше русских. Сейчас я думаю, что в том случае, если врожденное языковое чутье имеется, то оно относится ко всем языкам и реализуется в том из них, которое более стимулируется языковой средой. Иначе откуда же взялись Чингиз Айтматов, Фазиль Искандер, Окуджава, Белла Ахмадулина и Пушкин, наконец? Так вот, Жанна Дозорец была прирожденным филологом. Не знаю, как она оказалась на деффаке, наверное, тоже по какому-то непредвиденному стечению обстоятельств, но вполне естественно, что стала профессором-языковедом, зав. кафедрой русского языка.

Оживленной и хихикающей я видела Жанну лишь однажды, когда мы в дождь бежали по лужам на занятия в институт. Дорожка, ведущая к подъезду, вся была в жидкой грязи и сразу же возникала мысль, что обувь от нее не уберечь. Однако Жанна была другого мнения. Она спросила меня: «А ты можешь пробежаться и не запачкать туфли?». «Как это? – отозвалась я, – тут ведь сплошная грязь». «А вот так», – парировала Жанна и с неожиданной легкостью и грациозностью стала то подпрыгивая, то скользя ставить ноги на те места, которые были каким-то чудом свободны от грязи. В результате – ее обувь осталась чистой. Я так не сумела.

Люся Юдина. Рыжеволосая любительница читать книги, которые она глотала одну за другой, Люся была смешлива и обворожительна. Училась хорошо, но без заморачиваний насчет вечных философских истин. Сблизились мы с ней не в институте, а на целине. Ее жизнелюбие, смешливость и легкость в принятии жизненных коллизий в тех условиях были неоценимы.

Позже, работая в больнице водников по окончании института, я познакомила ее со своим сотрудником, педиатром Гариком Кантором. Он не был записным красавцем, но обладал каким-то непонятным обаянием, наверное, обаянием ума утонченного мужчины с привкусом едва уловимой женственности. Как врачу, ему не было равных. Прекрасный диагност и лечебник, он жаловался, однако, на то, что ему приходится всем заболевшим детям выписывать антибиотики, даже если у них обыкновенная простуда (ОРЗ). Таково было в то время распоряжение Министерства Здравоохранения. Ребенок принял антибиотик и через 3 дня здоров. Маме можно закрывать больничный. Выгодно. То, что дитя через неделю опять заболеет, не учитывалось. «Своему ребенку, – признавался Гарик, – я антибиотика не дал ни разу». В этого самого Гарика я была тайно влюблена, но ему понравилась Люся. Я ревновала, огорчалась, но виду не подавала. Так он, как, впрочем, и Люся, ни о чем не узнал. Оно и к лучшему, Гарик, при всей его притягательности, был женат. По этой причине на его ухаживания не ответила и Люся. Она вышла замуж за замечательного парня – армянина Роберта (существенно моложе ее), с которым счастливо прожила всю жизнь, вопреки всеобщим предсказаниям, что он молодой и обязательно ее бросит. Всю жизнь Люся проработала школьным логопедом, всегда на самом хорошем счету и в стенах школы и вне нее. Разумность, грамотность, добросовестность – «тройка», на которой Люся ехала по профессии.

По прошествии многих-многих лет она призналась, что наша семья оказала на нее огромное положительное влияние. Будучи из крепкой, но простой рабочей семьи, она, оказываясь, внимательно прислушивалась к каждому слову моих мамы и папы, училась этикету интеллигентского сословия и пр. Спасибо, Люся!

Люся Диамидова. С этой институтской подругой жизнь свела меня очень коротко. В институте мы мало общались, т. к. Люся принадлежала к клану шикарных девиц, а я нет. Вместе с другой шикарной студенткой, Эммой Дранниковой, они вели какую-то загадочную и, как казалось, взрослую жизнь. Люся была стройной, с сочными чертами лица и мелко-кудрявыми, из кольца в кольцо, волосами. Голова ловко сидела на длинной шее. Эмма тоже выглядела ярко, обладала мягкими чертами лица, красила губы красной помадой, говорила нараспев. Учились они неплохо, но с другими студентами особенно не сближались.

Обе девушки бросались в глаза, и однажды в деканате решили обсудить моральный облик Люси и Эммы. Уж очень ярко они выглядели! За что их судили конкретно, я так и не поняла, но сразу было понятно, что руководство факультета хотело расколоть отличников на возмущение этими девушками, нарушающими мораль советского студента. Мне стали говорить, что моим мнением дорожат, ведь я примерная студентка, отличница (вспомнили!). Меня спросили, видела ли я что-нибудь предосудительное в их поведении. Я, конечно же, удивленно ответила, что не видела, и добавила: *«Они очень красивые девушки»*. От меня отстали. Этот эпизод убедил меня в том, что официальное факультетское начальство было не прочь поощрить «стукачество». Опять же, такое было время.

«Стучать» мне совсем не хотелось, тем более, что я восхищалась и Люсей, и Эммой. Вскоре мне довелось немного приблизиться к их клану. На одном из институтских вечеров, на который приглашали мальчиков (студентов) из мальчишеских вузов, я впервые была модно одета. На мне была подаренная родителями на 18-летие прозрачная, как стеклышко, нейлоновая блузка с кружевами и черная муаровая юбка (солнце-клеш), которую сшила мама. Выглядела я на подобию Гурченко в «Карнавальная ночь», с которой мы особенно совпадали размером талии. Впервые за все институтские вечера, на которых я оставалась практически незамеченной, меня пригласил на танец красавец-кавалер, поразительно похожий на бывшего тогда в зените славы актера Алена Делона. А как его звали – Анжел! (сокращенно, правда, Алик). Удивлению моему не было предела. Потом меня приглашали и другие молодые люди, и я была в угаре. Однако дома расплакалась, жалуюсь маме, что им нужна не я, а моя одежда. Ведь пока ее не было, никто не приглашал.

Мама успокоила: «Просто любому драгоценному камню, нужна оправка, иначе он не виден». Это утешило и запомнилось. Впоследствии я много раз имела возможность убедиться в справедливости маминых слов. Несмотря на проявленный ко мне интерес, Алик все же высмотрел в зале Люсю Диамидову и выбрал ее. Вскоре они поженились.

По окончании института мы стали тесно общаться с Люсей и Аликом так как оказались соседями по Останкино. Продолжается это общение в течение всей жизни. Вместе растили дочек, ездили отдыхать и, вообще очень сблизились. Люся стала прекрасным школьным логопедом, и ее дочка, которую я, так случилось, кормила собственным молоком, пошла по ее стопам.

То, что Алик выбрал Люсю, не удивительно. В нее был влюблен даже Высоцкий, с которым они вместе учились в школе. Он, как рассказывает Люся, пел ей под окном дома на Брестской улице свои песни, аккомпанируя на гитаре. Отец Люси, довольно крупный чиновник в МВД, приходил в гневное состояние, заявляя, что какая-то хрипатая шпана горланит у него под окном. Он кричал Владимиру: «Убирайся, иначе я тебя водой оболью!». Люся особенно не противилась отцовским выпадам, т. к. Высоцкий ей не нравился: рыжий, неказистый, хрипатый. Вот ведь как, не сработала интуиция. Впрочем, она нисколько не жалеет. У нее есть ее Алик.

Анечка Крешина. Одной из наиболее ярких фигур среди студенток группы была Анечка Крешина. Она всегда появлялась в немислимых туалетах: если сапоги, то ботфорты предельной высоты, если мини – опять же, короче нельзя. Туфли – обязательно заморские, на высоченных каблучках. Сама она маленькая, складная, живая. Личико было бы хорошеньким, если бы не длинный еврейский «шнобель». Позже она одна из первых в Москве переделала этот нос на классический у знаменитого пластического хирурга в Грузии Сопе, с которым сумела закрутить роман. Эта роскошная Анечка была вообще не промах. Например, в комиссию по стипендиям в Институте она регулярно являлась в образе бедной, несчастной девушки.

Папа у Анечки заработал большие деньги во время войны и сразу после нее на фотографиях. Погибшие были практически в каждом доме, и родные хотели иметь копии их фотографий в виде портретов на тарелках, медальонах и т. д. Анечкин папа выполнял эти заказы. Они позволили обеспечить семье безбедное существование и купить дом в Малаховке, что в то время сделать имели возможность немногие.

Училась Анечка из рук вон плохо. Когда настало время выпускных государственных экзаменов, ее мама подошла ко мне в институте и попросила: «Танечка, я тебя умоляю, позанимайся с Аней. Она должна кончить институт. Приезжай к нам на дачу. Там вы сможете готовиться к экзаменам в полной тишине, никто мешать не будет». Отказать маме я, конечно, не могла и вскоре оказалась в доме, который тогда мне показался дворцом. На самом деле, это был довольно обыкновенный загородный дом, но полностью приспособленный для удобного житья – с камином и пр. У нас с Аней была отдельная комната. Такая обстановка обязывала меня не ударить в грязь лицом. Я замучивала бедную Анечку до того, что ее головка падала вниз, как у увядающего цветка. Однако знания я в нее вложила по максимуму. Экзамены она сдавала после таких мучений на удивление хорошо – на четверки. Больше всего мы все, включая саму Анечку, боялись экзамена по истории партии. Необходимо было знание всех съездов и пленумов КПСС – с датами, темами, выступлениями.

Настал этот день. Анечка взяла дрожащей рукой билет и, когда поняла, что материал ей знаком, и она может ответить, ей с непривычки стало дурно. Ноги подкосились, глаза закатились, и она стала оседать. Председатель комиссии вскочил со своего места, налил в стакан воду, торопливо подбежал к ней и не дал ей упасть. «Еще помрешь из-за вашей партии...», – прошептала в беспамятстве Анечка. Вся комиссия обомлела и замерла. Хорошо, что председатель оказался порядочным человеком, а то все кончилось бы весьма печально. Такие были времена.

Анечка всегда восхищалась собой. Приходя с какой-нибудь вечеринки, она, как правило, говорила: «Я была такая очаровательная, такая очаровательная, мне даже неудобно было». Наверное, такой способ жить очень выгоден, потому что Анечка до старости осталась удивительно моложавой и полной сил.

Много лет, правда, не до самой пенсии, Анечка работала логопедом в одной из неврологических клиник Москвы. Больные любовались ею, всегда «прибранной» (по ее же собственному выражению), и им становилось лучше.

Целина

Особым событием в институтский период была целина. Освоение ее студентами придумал Хрущев, а во что вылилась эта придумка, думаю, будет ясно из следующего.

То, что мы летом едем на целину, нам объявили на втором курсе. Пояснили, что это наш патриотический долг и пр. Моя мама сказала: «Надо, так, надо». Другие мамы и папы оказались более дальновидными и «отмазали» своих детей.

На Целину поехали 15 девочек с курса из 100 человек. Ехали мы в вагонах для скота, и это было бы не самое страшное, если бы там имелись туалеты. Но таковых не было, а остановки поезд делал редко. Мучения с тем, как бы вытерпеть, живы в памяти до сих пор. С едой было лучше: мы дружно поглощали запасы, данные с собой из дома, так что не голодали.

Приехали в Казахстан, в город Кокчетав. Там рассортировали прибывших, приписав к определенным точкам. Нас повезли на грузовиках (в кузове) в полевой стан в степи. Вокруг в радиусе на 18 км – никого и ничего. Весенняя бесконечная степь с сопками, поросшими дикой клубникой (невероятно душисто и вкусной). В бескрайнем небе парят орлы.

Поселили нас в вагончиках. Спать определили на нарах. Работа наша заключалась в том, что мы должны были копнить сено, т. е. собирать его граблями и укладывать в валки, а во время уборки хлеба нам было предписано сидеть на прицепах у трактористов и дергать за веревку, чтобы высыпалось то, что сжато.

Трактористы и комбайнеры жили рядом с нами, в таких же вагончиках. Это были молодые люди, большая часть – из уголовников, меньшая – их новоселов, осваивающих целину. То ли с ними провели строгий инструктаж, то ли попались такие не агрессивные люди, но по отношению к себе мы не чувствовали с их стороны никакой угрозы. Напротив, они были вежливы и предупредительны. Среди трактористов было немало немцев, поскольку в Казахстане были их поселения. Станным образом совершенно русопетский парень оказывался вдруг Колей Гарднером.

Все шло более или менее ничего пока не наступили холода. Мы ходили с граблями в поле, набивали мозоли на руках, но не жаловались. Приехал – работай!

На целине с трактористом Колей Гарднером (1962 г.)

Продукты нам привозили из колхоза, поэтому было у нас и молоко, и овощи, иногда мясо. Не то, что в других местах, где питались от совхозов. Там, как потом нам рассказывали, были одни макароны и крупы. Готовили еду мы себе сами, установив поочередные дежурства, а трактористам готовила повариха, украинка. Дежурные во всю старались успеть приготовить еду к возвращению подруг с работы. Сделать это было нелегко, т. к. чугун растапливался соляжкой и постоянно гас на ветру. К тому же, большая часть девчонок, маменькиных дочек, понятия не имели о поварском искусстве.

Однажды, Ларочка Борисова, первая красавица на курсе, так старалась приготовить получше и почище, что помыла лапшу. Она, естественно, сбилась в супе в комки, с которыми бедная Лара ничего не могла поделать. У Иры Кондраниной, о которой уже шла речь, собака украла кусок мяса, который она должна была сварить, и та безуспешно бегала за ней по степи.

Видя, что мы скучаем, трактористы решили свозить нас в ближайшее село Вороновку на танцы. Девчонки воспрянули духом, принарядились, достали белые босоножки. Те, у кого они были из парусины, натерли их мелом. Нас посадили в кузов грузовика и повезли. В России дороги плохие, это известно, но какой была дорога из полевого стана в это село, описать невозможно. Нас трясло так, что и вообразить трудно. Однако доехали. А как же выйти в туфельках и босоножках, если под ногами глинистая жижа? Пришлось нашим рыцарям перетаскивать нас на руках.

В клубе мы увидели мрачного вида женщин, одетых на удивление одинаково. На них были платья с длинными рукавами, схваченные в талии широкими клеенчатыми поясами с массивными пряжками (тогда такие были в моде). Мы же были в легких платьицах и сарафанах. Не дожидаясь танцев, женщины пошли на нас стеной. Раздались возгласы: «Понаехали сюда бесстыжие, кто вас звал? Вон юбочки еле задницы прикрывают!». Пришлось трактористам опять брать нас на руки, грузить в машину да увозить, пока не побили. Так что развлекались сами. Пели песни, читали стихи, рассказывали друг другу разные истории.

Однажды нас свозили на озеро Боровое. Вот где первозданная красота! Зеркало озера, величественные горы, поросшие лесом. Дух от этой красоты захватывало.

Вернувшись в стан, я почувствовала, что у меня разболелся зуб. Щеку раздуло – флюс. Боль адская. Мне дали фляжку. Я наливала в нее драгоценный кипяток (вода была ограничена) и прикладывала постоянно к больному месту. В результате почти прожгла дырку, а боль не унималась.

Один из трактористов сказал: «Поехали в Вороновку, в больницу» и повез меня на мотоцикле без коляски. К боли прибавился страх и муторность от вытрясания кишок. Приехали. Больница в Вороновке – обшарпанное деревянное строение, у входа в которое сидят нуждающиеся в медицинской помощи. А нуждались в ней, только те, кто уже помирал. Один мужик сидел с буквально отрубленной ногой – колот дрова и промахнулся, другой с пробитым черепом и т. д. Я предстала пред очами, местного стоматолога, который, очевидно, по пустяковости моего заболевания и по нехватке времени схватил щипцы (не протерев их ничем и вымыв рук) и ловко, одним движением вырвал мне злосчастный зуб. Обливаясь слезами от боли, я отправилась в обратный путь, будучи вынужденной терпеть все прелести единственной дороги, которая могла доставить меня в полевой стан.

Нас должны были вывести в сентябре, но он наступил, а никаких известий из Москвы не было. Стало холодать. В октябре пошел снег, а нас все не забирали. Снег залетал в щели вагончиков. Теплой одежды у нас было с собой очень мало. Ватников выдали всего три штуки на 15 человек, сапог тоже. Их надевали те, кто шел работать на прицепе. Они тоже не очень-то спасали, и трактористы из жалости сажали нас в кабинку трактора, а, чтобы прицеп работал, просверливали дырку и привязывали нитку. За нее можно было дергать из кабинки. Это увидел бригадир, по прозвищу «минь-минь». Прозвище это образовалось потому, что он пытался при нас сдерживаться, чтобы не ругаться матом, начинал какое-то бранное слово, спохватывался и заминался. Вот и выходило что вроде «минь-минь». Ругался он в основном, возмущаясь, зачем нас прислали, на его голову. В работе толку от нас чуть, а забот по горло.

Особенно много их стало, когда девицы начали по очереди болеть. У кого потек гной из ушей, у кого была жуткая простуда, у кого воспалились придатки, был случай и тяжелой пневмонии.

Удивительно, что я самая худенькая из всех ничем простудным не заболела. Хватило и флюса. По собственной инициативе просыпалась рано-рано, почти ночью и растапливала буржуйку соляркой, чтобы спавшим вповалку друг на друге подружкам было полегче вставать. На нарах холод доставал особенно, мы мерзли отчаянно, к тому же заросли грязью. Сжалившись, нас повезли в баню по-черному, т. е. без окон. Мылись мы в крошечной тьме, шаря руками и еле-еле находя тазы и воду. Вымыться не вымылись, а только грязь развезли, да такую, что потом на спине друг у друга писали имена любимых или их адреса. Хорошо хоть погрелись.

С грязью связан еще один памятный эпизод. Однажды ночью мы слышали, как самая красивая из нас (не буду называть имени) рыдает. Сначала она не хотела говорить, в чем дело, но потом призналась: «У меня, наверное, сифилис. Он, должно быть, меня наградил». Кто этот таинственный он, она не сказала. Осмелившись от отчаяния, она показала подозрительные шишки. О, ужас! Что делать? Все были в растерянности. Однако пришла повариха посмотрела и сказала: «Поедешь завтра ко мне, я тебе этот сифилис смою чистой водой!». И смысла.

Шла уборка урожая, он был очень высоким и работать трактористам и комбайнерам приходилось круглые сутки. Они собирали зерно и отвозили его на ток. Там складывали его в огромные горы, которые надо было развозить по амбарам. Но машин не хватало и зерно горело. Не знаю, сколько тонн этого зерна погибло, но судя по всему немало. От зерна на току шел пар и мы ныряли в это зерно, зарывались по самое горло, чтобы согреться. Трактористы также порой проделывали этот трюк. Однако ток отодвигался все дальше, добраться до него, чтобы согреться, было трудно. Рабочим возили туда еду. Делала это повариха Валя, довольно моло-

дая женщина из новоселов из Украины. Старый казак запрягал ей кобылу, и она ехала на огни, святящиеся на току. Однажды Валя простудилась и слегла с высокой температурой. Ехать на ток было некому, тем более, что делать это надо было ночью. Девчонки боялись, а я, по отваге незнания, вызвалась. Казак запряг мне кобылу по имени Московка, поставил в телегу фляги со щами и молоком и сказал на ломаном русском языке: «Дернешь за правую вожжу, поедет направо, за левую, – налево». Вооруженная этой инструкцией, я, никогда прежде не видевшая лошадей вблизи, поехала. Через некоторое время, куда сворачивать, стало совершенно непонятно: огни как бы перемещались в ту сторону, куда я направлялась. Полностью растерявшись, я перестала дергать бедную Московку, и она поскакала сама. Поскакала сильно сказано, потому, что ехали мы по степи, а она вся в буграх и кочках. Московка оказалась, однако, на редкость смышленной. Она точнехонько привезла меня к месту назначения. Надо было видеть, как благодарные голодные работяги тормошили и обнимали, как они кидали меня в воздух. Они уже и не надеялись на еду. Выполнив операцию по спасению голодающих, полная гордости от своего поступка, я отправилась в обратный путь. Было совсем темно и вдалеке слышался волчий вой. Надо сказать, ощущение не из самых приятных, но усталость взяла свое. Полностью доверившись Московке, я, укрылась данным мне одним из трактористов ватником и задремала. Через некоторое время я проснулась от того, что Московка, фырча и дергаясь, пыталась нестись вскачь. Крышки незакрытых фляг с остатками щей и молока, открылись, и я оказалась поливаемой этой прекрасной едой. К лицу прилипли побеленные молоком капустные листья. Что происходит, я естественно, понять не могла. Телега скрипела со страшной силой и начала разваливаться. Понятно было, что скоро я окажусь под колесами. Совсем отчаявшись и собравшись прыгать на полном ходу, я вдруг услышал сзади рев мотоцикла. Оказалось, что один из трактористов решил меня догнать. Правда, он подумал, что опасность может исходить не от Московки, а от волков. Увидев, что происходит, он прыгнул в телегу и стал пытаться натянуть вожжи, которые я, по неопытности, отпустила. Московка же во всю брыкалась задними ногами, норовя попасть моему спасителю прямо в лицо. «Не надо, не надо», – захныкала я, видя эту картину. «А ты сиди уж, мать твою так, молчи». И я замолчала. Парень все-таки одержал над Московкой победу, натянул вожжи, и она сразу же присмирела. Так я на собственной шкуре испытала, что значит выражение «попала вожжа под хвост». Именно это приключилось с бедной Московкой. Я не знала, как мне благодарить спасителя. Оказалось, очень просто. Он играл на баяне по слуху, подбирал самые разные вещи, и мечтал хоть что-нибудь сыграть по нотам. Я стала учить его нотной грамоте. Учитель из меня уже тогда был хороший, и недели через 3 Серега робко, но сыграл по единственным имевшимся у него нотам «Полонез Огинского». Его восторгу и восторгу его товарищей не было конца. Меня опять кидали в воздух.

Благодарный мне Сергей пригласил меня на денек к себе домой. Мы приехали, на том же мотоцикле, в село Вороновку, в дом, представлявший собой типичную украинскую мазанку, побеленную, очень чистую внутри. Собрали на стол – пир горой, соленья-моренья, горячая картошечка, сало, хлеб, испеченный в русской печке. К еде подали, как мне показалось, вкусный квасок. Соскучившись по-домашнему, я ела и пила в три горла. Пела песни, плясала вовсю. На меня смотрели, наверное, как на Наташу Ростову: «Ай да графинюшка...!». С особым чувством Серега играл полонез Огинского и смотрел на меня со значением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.